

С К И Ф И Я

РОВЕСНИКИ НЕМЦЫ И РУССКИЕ

СОСТАВИТЕЛЬ БОРИС ЛАШКОВ

ВОЕННОЕ
ДЕТСТВО

СОВМЕСТНАЯ
РАБОТА

Сборник

**Ровесники. Немцы
и русские (сборник)**

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2016

УДК 82-94
ББК 94.3

Сборник

Ровесники. Немцы и русские (сборник) / Сборник —
Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2016

ISBN 978-5-00025-058-7

Книга представляет собой сборник воспоминаний. Авторы, представленные в этой книге, родились в 30-е годы прошлого века. Независимо от того, жили ли они в Советском Союзе, позднее в России, или в ГДР, позднее в ФРГ, их всех объединяет общая судьба. В детстве они пережили лишения и ужасы войны – потерю близких, голод, эвакуацию, изгнание, а в зрелом возрасте – не только кардинальное изменение общественно-политического строя, но и исчезновение государств, в которых они жили. И теперь с высоты своего возраста авторы не только вспоминают события нелегкой жизни, но и дают им оценку в надежде, что у последующих поколений не будет военного детства, а перемены будут вести только к благополучию. Авторы делятся здесь своими воспоминаниями, размышляя о непростых взаимоотношениях русских и немцев. При этом под русскими, показанными в подзаголовке, для краткости подразумеваются все национальности и народы Российской Федерации. Несмотря на суровое детство, каждый из авторов сумел найти свое место в жизни, свой трудовой путь и личное счастье.

УДК 82-94
ББК 94.3

ISBN 978-5-00025-058-7

© Сборник, 2016
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2016

Содержание

Предисловие	7
Детство во время войны	8
Что я помню[1]	15
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ровесники. Немцы и русские

Автор-составитель Борис Лашков

Наша истинная национальность — человек.

Герберт Уэллс

Фото на обложке (из архива автора)

Вверху: Почтовая открытка Борису Лашкову от отца с Ленинградского фронта, 1942 г.

Внизу: Память о многолетнем (1945–1990) германо-советском сотрудничестве по поискам и добыче урана.

Предисловие

Отмечая очередную Победу в Великой Отечественной войне следует вспомнить о детях с обеих сторон, переживших войну и послевоенную разруху и нашедших в своей жизни возможности сотрудничества и дружеского мирного сосуществования.

Иногда случайные совпадения приводят к неожиданным решениям. Первая мысль составления такой книги родилась, когда я прочел в воспоминаниях Клеменса Вайсса, сына известного немецкого физика-ядерщика, работавшего после войны над советским атомным проектом, о том, как он в голодные военные годы в Германии с нетерпением ждал 18 часов, когда давали поесть. Точно так же, по рассказам моей матери, я спрашивал в блокадном Ленинграде, еще не зная цифр, когда стрелки на ходиках встанут прямо, то есть в 18:00. Тогда мне тоже давали поесть. Страдания не имеют национальности и границ. И окончательным решением составления данного сборника стало сегодняшнее безумие национальной нетерпимости на Украине, спровоцированной уродливым олигархическим капитализмом.

Авторы, представленные в этой книге, родились в 30-е годы прошлого века. Независимо от того, жили ли они в Советском Союзе, позднее в России, или в ГДР, позднее в ФРГ, их всех объединяет общая судьба. В детстве они пережили лишения и ужасы войны – потерю близких, голод, эвакуацию, изгнание, а в зрелом возрасте – не только кардинальное изменение общественно-политического строя, но и исчезновение государств, в которых они жили. И теперь с высоты своего возраста авторы не только вспоминают события нелегкой жизни, но и дают им оценку в надежде, что у последующих поколений не будет военного детства, а перемены будут вести только к благополучию. Авторы делятся здесь своими воспоминаниями, размышляя о непростых взаимоотношениях русских и немцев. При этом под русскими, показанными в подзаголовке, для краткости подразумеваются все национальности и народы Советского Союза и Российской Федерации.

Несмотря на суровое детство, каждый из авторов сумел найти свое место в жизни, свой трудовой путь и личное счастье.

Все соавторы этой книги – мои друзья или хорошие знакомые. Их воспоминания, очень разные по объему и тем акцентам, которые они считали нужным расставить, объединяет мысль, сжато выраженная эпиграфом к этой книге.

Немецкие тексты переведены мной.

Детство во время войны Игорь Всеволодович Архангельский

Игорь Всеволодович Архангельский родился в 1957 году. Пережил ребенком во время эвакуации из Ленинграда обстрел немецкими самолетами. В 1959 году окончил геологоразведочный факультет Ленинградского горного института. Работал в качестве руководящего специалиста геотехника на различных военных и атомных объектах Советского Союза и за рубежом. Руководитель геотехнического предприятия «Недра». Автор книг о петербургской Аннениуле и Горном институте, давших ему путевку в жизнь.

Я родился 25 июня 1957 года в Ленинграде. Мой отец Всеволод Николаевич Архангельский родился в Саратове в дворянской семье, что он, естественно, скрывал. Окончил Саратовский государственный университет и работал доцентом кафедры русской литературы в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена. Мама Надежда Юльевна Архангельская

(урожденная Гессен) родилась в Санкт-Петербурге в семье ученого-историка, окончила филологический факультет Ленинградского государственного университета, а затем высшие библиотечные курсы (позже они стали именоваться Библиотечным институтом им. Крупской) и работала заведующей библиотекой 189-й школы Дзержинского района Ленинграда. У меня был старший брат Дмитрий, учившийся в той же школе, где работала мама. Меня же водили в детский сад на ул. Восстания. Летом наша семья снимала дачу в селе Рождествено на берегу реки Оредеж.

До революции в Рождествено располагалась усадьба знаменитой семьи Набоковых. Члены семьи моей мамы бывали у Набоковых в гостях. Издатель и общественный деятель Иосиф Владимирович Гессен, двоюродный дядя моей мамы, писал, что с Владимиром Дмитриевичем Набоковым его «связывали узы 20-летней совместной и согласованной общественной деятельности и все крепнущей безоблачной дружбы». И. В. Гессен первым из издателей заметил и оценил растущее мастерство его сына Владимира, печатавшегося в Европе под псевдонимом «Сирин». После гибели В. Д. Набокова, благороднейшего человека, ценою своей жизни спасшего П. Н. Милюкова от пули террориста-черносотенца, И. В. Гессен стал старшим другом его сына. И. В. Гессен писал, что ему посчастливилось встретить в жизни двух гениев: С. С. Прокофьева и В. В. Набокова, причем последний «по своей памяти был исключительный избранник Божий». В автобиографической книге «Другие берега» В. В. Набоков с большой теплотой пишет о И. В. Гессене.

До революции будущий писатель Владимир Набоков учился в Тенешевском училище вместе с маминым старшим братом Даниилом и играл с ним в одной футбольной команде. Семьи Набоковых и Гессен поддерживали очень теплые отношения. И хотя Набоковы вынуждены были покинуть Россию, мама приезжала каждое лето в Рождествено. Видимо, там сохранилось нечто, что навевало какие-то радостные воспоминания.

Лето 1941 года наша семья, как всегда, проводила в Рождествено. 23 июня, в день моего рождения, ждали гостей из Ленинграда. Но никто не приехал. Через два дня узнали, что началась война. Маму вызвали в школу и предложили сопровождать детей Дзержинского района в эвакуацию. В начале сентября 1941 года поезд с детьми отошел от перрона Московского вокзала. На станции Старая Русса Новгородской области налетели фашистские самолеты. В результате налета пострадал эшелон с детьми, а стоявший на соседних путях воинский эшелон уцелел. До сих пор у меня перед глазами стоит картина: красноармейцы в скатках через плечо вытаскивают из горящего состава детей, бегут с ними через железнодорожные пути и усаживают их в открытый кузов автомашин с газогенераторными двигателями, работавшими на дровах. Потом мы оказались в Костромской области, где и пробыли до конца войны... (сейчас в Костромской области, как и в других областях России, находят пристанище украинские беженцы, спасающиеся от авиации и артиллерии современных фашистов).

Вначале я находился в районном центре – селе Парфеньево в детском саду, а мама в это время жила в деревне Матвеево в 20 км от Парфеньево. Из Матвеево мама ходила в Парфеньево пешком, чтобы повидать меня. В селе Матвеево расположился интернат ленинградских детей школьного возраста. Мама работала воспитателем в интернате и преподавала в школе немецкий язык.

Первые ночи в детском саду были очень тревожными. Я и другие дети просыпались от взрыва бомб. Это фашисты бомбили мосты на Волге. Дежурная няня подходила к каждому и успокаивала.

В детском саду я обнаружил, что у воспитательницы имеются любимчики. Я это сразу почувствовал. В их число я не попал, и это мне было неприятно. Таким образом, неравенство я начал ощущать еще в дошкольном возрасте. Еще одно воспоминание о детском саде связано с отправлением естественных нужд. Девочки и мальчики садились на горшки по команде, но сидели на них разное время. Некоторые сидели так долго, что у них выпадала кишка. Тетка

в белом халате клала ребенка с выпавшей кишкой на стол животом вниз и с помощью ваты заталкивала кишку на место.

Летом 1945 года мама приехала за мной на телеге и повезла в Матвеево. Хотя стояло лето, она надела на меня зимнее пальто. Ехали мы по лесной дороге очень долго. Лошадь постоянно останавливалась, жевала придорожную траву или пила воду из луж. На протяжении 20 км нам попался всего лишь один дом, но он был очень странный: деревянный, узкий, высокий, с крутой деревянной наружной лестницей, похожий на пожарную каланчу в Парфеньеве.

Село Матвеево меньше Парфеньева. В нем имелись школа, правда, она появилась только с приездом ленинградских детей, больница, двухэтажное здание интерната. Все деревянное. Дома крестьян просторные, добротные, с деревянными полами, в то время как в соседней деревне Григорьево полы в низких бедных домах были земляные. В Григорьево сохранилась церковь, которую посещали жители Матвеево. Колокольный звон разносился далеко.

Все интернатские дети были заняты какой-нибудь работой в интернате или в колхозе. Мне было поручено пасти свиней. Целыми днями они лежали в дорожной пыли и не причиняли мне никаких хлопот. Иногда я садился на спину какому-нибудь борову и катался на нем верхом. Мне часто приходилось таскать на кухню наколотые старшими ребятами дрова. После этого руки очень болели. Поздней осенью я вместе со старшими ребятами убирал на полях кочаны капусты. Уже было холодно, и руки мерзли. Мы залезали в сарай без дверей на столбах, приподнятый над землей примерно на метр. Разжигали там под крышей костер и грелись. С удовольствием ели капустные кочерыжки.

В интернате я чувствовал себя хорошо. У меня был покровитель – высокий сероглазый парень по имени Виктор. Он мне во всем помогал и защищал. В 1944 году блокада Ленинграда была окончательно прорвана. На ленинградских предприятиях катастрофически не хватало рабочих. Тогда со всех уголков страны в Ленинград стали возвращать эвакуированных подростков для работы на заводах. Уехали ребята и из нашего интерната, в том числе и мой покровитель. Взамен ленинградских ребят в интернат приехали подростки из разных районов страны. Это были уже другие люди. Они отнимали у младших еду колотили их. Дети плакали, но жаловаться взрослым было не принято. Поэтому терпели. У меня появился новый покровитель, но не бескорыстный. За свое покровительство он требовал с меня два куска сахара, которые нам давали к чаю на завтрак. Надо сказать, что питание в интернате было скудное. Все время хотелось есть. При обилии молока вокруг нас давали только молочную сыворотку. А толстая директриса со своим семейством на наших глазах поедала целые стаканы сметаны.

Нас подкармливали местные жители. Женщины (мужчин в селе почти не было – все воевали на фронте) часто приглашали меня к себе в дом словами: «Вакуированный, поди сюда!». Я заходил, и меня угощали домашним хлебом и наливали из крынки кружку молока. Однажды из крынки вместе с молоком выскользнула мышка. Потом меня просили спеть какую-нибудь песню. Обычно я исполнял «Раскинулось море широко». При этом звук «р» я не выговаривал. Женщины умиленно смотрели на меня и хохотали.

В 1944 году в Парфеньевский район привезли крымских татар – артистов национального театра, изгнанных с родной земли за сотрудничество с немцами.

В лесу недалеко от нас построили бараки и поселили в них несчастных людей. Жили ссыльные татары, как я узнал из разговора взрослых, под надзором лейтенанта НКВД, который за каждую провинность сажал их в холодный погреб. Татарские артисты выступали за мизерную плату в окрестных селах. Приезжали и в наше село Матвеево и вместе со своими детьми весело отплясывали в смешных масках с двумя лицами – впереди и на затылке – перед сельскими жителями. Казалось, что они радуются жизни...

Недалеко от села Матвеево протекала неширокая, но быстрая речка Нея. Берега и дно этой речки сложены чистым желтым песком. По реке шел сплав леса. Сельские ребята развлекались тем, что по плывущим бревнам перебежали на другую сторону реки. Я тоже попытался

это сделать, но где-то посередине реки бревно подо мной крутанулось, я упал в воду и оказался на дне, а надо мной двигались бревна. Плавать я не умел. К счастью, на реке находилась моя мама и наблюдала за мной. Мама быстро вытащила меня из воды. Речку Нея упоминает А. Солженицын в книге «Ахипелаг Гулаг». По этой речке сплавляли на плоту крымского татарина – беспомощного старика.

Война отучила от празднования дней рождения. Я даже забыл, когда родился. И вот 23 июня я с интернатской девочкой пошел гулять в лес. А мама в это время накрыла в своей комнатухе стол (я жил вместе со всеми ребятами), пригласила гостей, но меня не предупредила. Я прогулял весь день, а когда вернулся, мама отстегала меня крапивой. Я не понимал, за что, и потому мне было очень обидно. Конечно, от обиды громко рыдал, да и от крапивы чувствовал сильное жжение.

Через некоторое время во мне неожиданно произошла перемена. Я перестал плакать, меня уже никто не обижал, а если делал попытки, то получал отпор. Я почувствовал в себе какую-то непонятную мне силу. С тех пор до преклонных лет я живу счастливой жизнью. По-настоящему меня никто никогда в жизни не обидел и не унизил, я никому не позволял этого сделать. Правда, мои начальники считали, что у меня тяжелый характер. Я их понимал. Если они ругали своих подчиненных, оскорбляли или надсмехались над ними, то при обращении со мной они сдерживались. Это для них было тяжело. Когда я в очередной раз перечитываю пушкинского «Пророка», я всегда вспоминаю то давнее мое внутреннее преображение...

Осенью 1944 года я пошел в школу, в первый класс. У нас был всего один потрепанный букварь на весь класс. Но меньше чем через месяц я уже бойко читал вслух. Другие дети читали запинаясь, и это меня очень удивляло. В школе существовал еще один первый класс, специально для сельских ребят, у которых до приезда эвакуированных детей не было школы. В этом первом классе учились ребята в возрасте от 10 до 17 лет. Некоторых из них прямо из первого класса забирали в армию.

В школе не было никаких письменных принадлежностей. Мы писали на газетной бумаге карандашом. Для счета использовали камышовые палочки. Зимой в школе было очень холодно. Все сидели в пальто. Но я не помню, чтобы кто-нибудь из ребят болел. Правда, у всех были глисты и ползали вши. Начиная с ранней весны до поздней осени мы ходили босиком, хотя имелись ботинки. Зимой нам выдавали валенки. Когда выпадал снег, на уроках военной подготовки ходили на лыжах. В свободное время катались на санках.

Весну 1945 года я запомнил на всю жизнь. Впервые увидел свежие газеты. В одной из них были помещены портреты союзников: советского солдата, британского и американского. Советский и британский солдаты были серьезны, американский солдат широко улыбался. В начале мая 1945 года из районного центра на лошади прискакал мальчишка и прокричал: «Поймали Гитлера». Председатель сельсовета Иван Иванович собрал жителей села и поздравил всех с этим событием. Через несколько дней пришло новое сообщение: «Победа». На площади села состоялся митинг, на котором снова выступил Иван Иванович. Поздравил с победой, правда, опроверг сообщение о поимке Гитлера, но все радовались, и колонной, с пением песен, под красным знаменем люди прошли по селу.

В июне 1945 года мама получила вызов из Ленинграда. Без вызова выезжать было пока нельзя. На подводе мама, брат Дмитрий и я с вещами и тремя мешками сушеной картошки приехали на железнодорожную станцию Никола-Паломы. Сели в товарный вагон и ровно месяц ехали до Ленинграда. Сейчас этот путь занимает менее суток.

И вот поезд прибыл в Ленинград. На площади у Московского вокзала приезжим предлагались все виды транспорта: легковые и грузовые автомобили, запряженные лошади, тележки и просто носильщики. Мы выбрали тележку. Ее хозяин погрузил наши вещи, сверху посадил меня, взял тележку за ручки и повез в Басков переулок. Минут через двадцать мы были на месте. Перед нами стоял полуразрушенный дом. Половина дома зияла пустыми глазницами

окон. Во время войны в дом попал снаряд, начался пожар и половина дома выгорела. Вместе с управдомом мы с опаской поднялись по уцелевшей лестнице на четвертый этаж. Справа была пропасть, а слева обгорелые двери квартир. Мы смогли войти в свою квартиру и комнату. Вещей практически не было. Все украли. В доме не действовали водопровод и канализация. За водой мы ходили на улицу где имелся кран. Нужду справляли в развалинах.

В июле мама отправила меня в Сестрорецк. Там в военном госпитале работала медсестрой моя тетя – Мина Яковлевна Гессен. Я жил в комнате с тетей Миной и еще двумя медсестрами. Вместе с ними питался. Впервые за несколько лет я почувствовал себя сытым. Кормили в госпитале очень хорошо. Госпиталь располагался на берегу Финского залива. Но пляж ограждала колючая проволока. Он был заминирован. Я садился на крылечко и смотрел, как немецкие военнопленные в сопровождении русского автоматчика находят и извлекают мины. Затем они что-то делали с миной и кидали ее в сторону воды. Раздавался хлопок, и группа двигалась дальше. Из госпиталя выходили выздоравливающие бойцы и тоже смотрели на разминирование. Никаких чувств по отношению к немцам они не высказывали.

Первого сентября 1945 года я пошел во 2-й класс мужской 203-й школы им. А. С. Грибоедова. В этой же школе мама стала работать заведующей библиотекой. Брат Дмитрий поступил в шестой класс. Школа размещалась в одном из зданий, которое до революции занимала немецкая школа Анненшуле. В библиотеке мама показывала мне некоторые книги, которые сохранились еще со времен Аннен. Например, полное собрание сочинений В. Шекспира на русском языке. Роскошные фолианты с прекрасной бумагой, иллюстрациями, переложенными папиросной бумагой.

Школа размещалась между ул. Салтыкова-Щедрина (ныне Кирочная ул.) и ул. Петра Лаврова (ныне Фурштатская ул.). Недалеко находился так называемый «Большой дом» – здание, где размещались управления внутренних дел и государственной безопасности. Немцы пытались разбомбить это здание, а также Литейный мост. Но все время попадали в жилые дома. Поэтому в районе школы было много разрушенных зданий. Их восстанавливали военнопленные немцы. Из разговоров взрослых я понял, что работали немцы очень добросовестно. Одно из зданий находилось на ул. Петра Лаврова рядом с нашей школой. Я часто с ребятами ходил глазеть на немцев. Они вели себя довольно свободно. Выскакивали за строительное ограждение на мостовую и предлагали прохожим различные поделки: детские деревянные игрушки, швабры, другие бытовые предметы. Часовой с автоматом стоял в стороне, отвернувшись. Прохожие останавливались, торговались с немцами, шутили и смеялись. Некоторые делали заказ. Я не заметил, чтобы кто-нибудь отнесся к немцам враждебно, хотя совсем недавно ленинградцы пережили страшную блокаду. Немцы перестали быть врагами. Да и вид у них был далеко не воинственный. Худые, в обтрепанной одежде. Я видел, как плохо одетая женщина передала немцу вареную картофелину в «мундире». Немец с благодарностью взял ее.

Я сообщил маме, что у немцев можно недорого купить нужные в хозяйстве вещи. Она пришла и купила швабру с длинной ручкой белого цвета. С этого времени я подметал пол в нашей большой комнате – бывшем кабинете моего деда-историка немецкой шваброй. До этого подметали веником, что было неудобно, поскольку приходилось нагибаться, и я всячески уклонялся от уборки. А теперь я подметал с удовольствием...

Через много лет, в 2004 году, вышла моя книга под названием «Анненшуле – сквозь три столетия». Эта книга о двух петербургских школах: немецкой школе Анненшуле и советской школе № 205, которая разместилась в одном из зданий Анненшуле. В книге подчеркивается значительная роль, которую сыграли немцы в жизни Санкт-Петербурга, в развитии науки, культуры и промышленности. Все немцы, проживавшие в Санкт-Петербурге, имели нужные для столицы России профессии. Прежде всего это были ученые. Первым президентом Российской академии наук был немец Р. Л. Блюментрост. Много было среди немцев врачей, учителей, священников, военных. Долгое время в России слова «немец» и «врач» были синонимами.

Треть русского генералитета времен войны 1812 года носила немецкие фамилии. Немало немцев представляло мир искусства. Среди немцев имелось множество строителей, предпринимателей, коммерсантов, банкиров. Хорошо известно мастерство немцев-ремесленников.

И хлебник, немец аккуратный
В бумажном колпаке не раз
Уж отворял свой васисдас.

А. С. Пушкин «Евгений Онегин».

Вокруг Санкт-Петербурга существовали немецкие колонии, которые обеспечивали жителей города сельскохозяйственной продукцией. Недавно мне пришлось выполнять геотехнические изыскания в дер. Новосаратовка Всеволожского района Ленинградской области – бывшей немецкой колонии «Новосаратовка».

Название колонии произошло из-за того, что немецких колонистов первоначально планировали поселить в Саратове. Новосаратовская колония основана на правом берегу Невы при Екатерине II немецкими колонистами, выходцами из Бранденбурга и Вюртемберга. Немецкое население проживало здесь до марта 1942 года, после чего было полностью депортировано. Из немецкого наследия осталось церковное здание, в котором теперь находится лютеранская семинария.

Просвещенные петербуржцы всегда с большим уважением относились к немцам-труженикам и перенимали их положительные качества. Недаром в психологическом портрете истинного петербуржца наряду с русским добросердечием и эмоциональностью прослеживаются и характерные немецкие черты: вежливость, сдержанность, аккуратность, пунктуальность, дисциплинированность.

В то же время вторая родина не всегда была справедлива к немцам, особенно в двадцатом столетии, когда они дважды – в 1914 и 1941 годах подвергались гонениям, депортации, уничтожению. Вместо благодарности за все добрые дела, которые они сделали для города...

В книге приводятся имена знаменитых петербургских немцев, прославивших Россию. Это академик Г. Ф. Миллер, математик Леонард Эйлер, строитель, военачальник и политик граф Б. К. Миних, адмирал И. Ф. Крузенштерн, мореплаватель Ф. П. Литке, создатель русских школ для слепых К. К. Грот, скульптор П. К. Клодт, живописец Карл Брюллов, архитектор К. А. Тон (автор храма Христа Спасителя в Москве), врачи Д. О. Отт, К. А. Раухфус, Э. Ф. Шнерк, фотограф К. К. Булла и многие другие. Их имена увековечены в памятниках, названиях улиц и клиник Санкт-Петербурга. Когда я учился в школе, в детской больнице им. Раухфуса на Лиговке мне удаляли аппендицит. Так что это имя я запомнил с детских лет.

Большой вклад в развитие школьного образования внесли немецкие школы, и в их числе Анненшуле при лютеранской церкви Святой Анны, располагавшейся на Кирочной улице. Основное отличие немецких школ заключалось в том, что в них воспитание детей стояло на первом месте, а затем шло образование. Поэтому из немецких школ выходили исключительно порядочные, добросовестные и трудолюбивые молодые люди.

Однако в немецких школах учились не только немцы, но и дети других национальностей и вероисповеданий. Там не было ограничений по религиозному признаку, в то время как в государственных русских школах для иноверцев устанавливалась определенная квота.

В Анненшуле учились такие знаменитые люди, как выдающийся педагог, создатель системы физического воспитания П. Ф. Лесгафт, замечательный врач и организатор первого в России последипломного медицинского образования Э. Э. Эйхвальд (институт усовершенствования врачей), крупный юрист и общественный деятель А. Ф. Кони, всемирно известный ученый, путешественник, антрополог и этнограф Н. Н. Миклухо-Маклай, создатель великого

произведения – памятника А. С. Пушкину в Лицейском саду скульптор Р. Р. Бах, академик-востоковед В. В. Струве и многие другие.

Учителя Анненшуле относились к своим ученикам с уважением, прививали им гуманизм, сострадание и любовь к ближним. Знания, полученные в школе, позволяли ее выпускникам успешно поступать в российские и европейские университеты, Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге и другие высшие учебные заведения.

После Октябрьского переворота в 1917 году Анненшуле перестала существовать. В одном из ее зданий разместилась советская школа № 203. В 1945 году школе было присвоено имя великого русского писателя А. С. Грибоедова. Высокий дух, царивший когда-то в Анненшуле, непостижимым образом перешел в советскую послевоенную школу. В школе возникла атмосфера любви и взаимного уважения учителей и учеников. Снова из стен школы стали выходить выдающиеся люди. В послевоенной школе учились известные ныне во многих странах: шахматист Виктор Корчной, академик-математик Герман Цейтлин, автор и исполнитель песен Евгений Клячкин, писатель Игорь Ефимов, философ и эссеист Борис Парамонов, кинорежиссер Леонид Эйшлин, геолог, философ и художник Яков Виньковецкий, нобелевский лауреат поэт Иосиф Бродский. Советская тоталитарная система не сломила их. Но большая часть этих талантливых людей не смогли жить и творить на родине и были вынуждены покинуть ее...

Изучая историю петербургских немцев, я не мог не полюбить этих людей. Особые чувства вызвал у меня создатель школ для слепых детей Константин Карлович Грот. Его имя носит одна из улиц на Петроградской стороне. Тема слепых мне близка. Моя бабушка, с которой послевоенные годы я жил в одной комнате, была слепой, и я немного познакомился с миром слепых людей...

Когда я думаю о замечательных петербургских немцах, каждый раз передо мной возникают военнопленные немцы, восстанавливающие дом рядом с нашей школой. Я также вижу жалостливую русскую женщину протягивающую немцу картошку...

Я так и не смог понять, как могли возникнуть войны между нашими столь исторически близкими народами. Вторую мировую войну развязали нацисты. Но ведь в Первую мировую войну их не было! Однако я верю, что мы всегда будем жить в мире и детям наших стран не придется спасаться бегством от войны, как пришлось когда-то советским ребятам, и мне в том числе. А сейчас приходится несчастным детям из юго-восточной Украины. Я надеюсь, что тех, кто вынуждает детей бежать из дома, ждет суд, если не человеческий, то Божий обязательно...

Что я помню¹

Владимир Павлович Барсуков

Владимир Павлович Барсуков родился в 1933 году. В годы войны погибли его родные, переехал эвакуацию. Окончил исторический факультет Ростовского университета. Преподавал в школах Сахалина и Ростова. Любил профессию учителя. До самой его смерти в 2007 году многие благодарные ученики поддерживали с ним связь.

С каждым годом становится все меньше людей, которые могли бы рассказать о минувшем столетии. Память в моем возрасте вещь не очень надежная. И все-таки я сажусь за стол, и подобно тысячам «воспоминателей», мне очень хочется вновь повидаться на этих страничках

¹ Часть воспоминаний Владимира Павловича Барсукова, написанные для членов семьи, публикуются в сокращенной версии с любезного разрешения его жены Людмилы Романовны Барсуковой.

с родными и близкими мне людьми, коснуться веселых и грустных, обычных и трагических будней прошлого века.

Была такая страна – СССР, и жили в ней люди разные, хорошие и плохие, но хороших и честных всегда было больше, и за то, что именно эти люди сломали хребет гитлеризму, благодаря чему мы и живем сегодня, низкий им поклон и долгая добрая память.

Барсуковы

«Дедушка, мы – казаки?» «Нет, внучек, мы – миллеровские хохлы!»

Так, к моему большому огорчению, ответил мне в детстве в 194А году мой дедушка Петр Андреевич Барсуков. Мы с мамой только вернулись из эвакуации, приближался конец войны. Кроме того, что мы – советские люди, все чаще я стал задумываться: кто же я по национальности? Приближался конец войны и, как пелось в популярной песне, казачьи кони собирались снова проехаться по берлинской мостовой, как в XVIII и XIX веках.

Итак, кто же я такой, Барсуков Владимир Павлович, 1953 года рождения, образование высшее, член ВЛКСМ с 1948 года, член КПСС с 1958 года, офицер запаса, старший лейтенант, артиллерист, русский по паспорту и по моему русскому отцу Барсукову Павлу Петровичу? Моя мама – еврейка Жак Рахиль Константиновна. В 1949 году, когда я получал паспорт, национальность, как правило, определялась по отцу вопреки правилам ортодоксальных еврейских националистов и шовинистов, определявших национальность по матери, видимо, по принципу: «Кто мать – мы знаем, а кто отец – верим». Это был самый разгар антисемитизма в стране, но, кроме того, была еще одна причина: я не мог предать память отца, и об этом расскажу потом. Итак, мой отец русский, но его мать, моя бабушка Мищенко Елена Ивановна, судя по фамилии, была украинкой. Будучи из Грозного, возможно, она была из казачьего украинского кубанского рода, хотя ее бабушка была горянкой, скорее всего, чеченкой или ингушкой.

Дедушка Петр Андреевич Барсуков (1879–1965)

Родился дедушка в семье бывшего крепостного крестьянина уже после отмены крепостного права, но хорошо помнил барина-помещика. Родился он на хуторе, населенном крестьянами – выходцами из Слободской Украины. Он был прекрасным рассказчиком, и юмор у него был с украинской хитрецей, хотя говорил он чисто по-русски, лишь часто вставляя украинские поговорки или анекдоты. Например, «Как хохол кашу в степу варил». «Варил-варил, да и опрокинул в костер. И стал ругаться: «О, це мне эта теснота проклятая!» Или «Как цыган приучал свою лошадь обходиться без еды. На 5-й день она издохла. Огорчился цыган: «Прожила бы еще денек и привыкла бы, вот ведь упрямая животино». Или поговорки: «Хавай так, як я ховал. Потом три дня искал, так и не знайшов».

Семья деда, как часто бывало в то время в селе, фамилии не имела, а деревенская кличка семьи была Силаевы. И дед деда, и его отец славились здоровьем и силой. Если волы не могли вывезти воз, завязший в грязи на степной дороге, дед деда выпрягал волов, впрягался сам и вытаскивал воз на сухое место, приговаривая: «Где уж волам справиться? Я и сам-то еле-еле сумел выволочь».

После военной службы дедушка женился на жительнице Грозного или одной из ближайших станиц, моей будущей бабушке Елене Ивановне Мищенко. В семье было трое детей. Старший сын – Павел, младший – Василий и приемная дочь – Лида. Попала она в семью в голодном 1920 или 1921 году, а может быть, и в гражданскую. Жили они в обычном домишке в железнодорожном поселке Грозного. Держали они корову, которая однажды подцепила на рога бабушкин фартук, сушившийся на веревке, и на радость мне разгуливала в таком виде по двору.

Дедушка, как железнодорожник, мобилизации не подлежал ни в первую войну, ни при красных, ни при белых, но бедствия этих пяти лет их, конечно, не миновали. Голод, разруха,

нищета. Приходилось ездить «на мену». Привозить из этих небезопасных поездок домой зерно и муку. Ведь детей-то трое и все мал-мала меньше.

Когда деду было под 70, он завел тачку и стал таскать на ней грузы с Большого базара. Много раз встречал я дедушку, тащившего в гору тяжелогруженую тачку, как это делают на подъеме ломовые лошади, идя зигзагом. Иной раз я подпрягался, помогая ему одолеть подъем. Дедушка никогда не забывал выделить мне «на семечки» деньги, которые ему так тяжело доставались. Как раз в это время на дедушку свалилось очередное горе. Погиб, пройдя всю войну, дядя Вася, гибелью нелепой и страшной, Дедушка тяжело переживал его смерть. У него обнаружили рак груди, его прооперировали, и здоровый организм его долго сопротивлялся. Он по-прежнему раз в неделю приезжал к нам. Обедал, играл со мной в шашки. Играл он великолепно, почти всегда громил меня без жалости, получал от этого большое удовольствие и говорил при этом: «Это тебе, Воленька, не шахматы, тут головой думать надо!» (правда, в шахматы он не играл). Конечно, я и мама забегали к нему, но для старого человека это было слишком редко. Раз в месяц я заносил ему немного денег из своей маленькой полунисей учительской зарплаты. Но одиночество добило его. Летом 28 июля 1965 года дедушка умер. Было ему 86 лет.

Бабушка Елена Ивановна

Дату ее рождения я не знаю, а погибла она в первый же день войны, 22 июня 1941 года. Она была моложе дедушки, но обладала сильным характером и в семье быстро стала играть первую роль: домострой ввести в семье дедушке не удалось, хотя он и требовал, чтобы дети и жена называли его на «Вы».

Была бабушка из старого кубанского рода, то ли украинско-казачьего, то ли украинско-солдатского. Фамилия ее девичья была Мищенко. Еще при Николае I в ходе Кавказской войны, солдаты отслужившие 25-летнюю службу, получали право поселения на завоеванных горских землях на весьма льготных условиях. Их поселения становились опорными пунктами царизма при колонизации Кавказа. Жила семья бабушки то ли в Грозном, то ли в одной из станиц под Грозным. Стычки с горцами были частым явлением. Теперь их называют террористами бандформирований, а тогда их именовали просто абреками. Новым поселенцам нужны были жены. Поэтому обычным явлением были невесты из горянок – чеченок и ингушек. Тем самым приобретались и кунаки в горских аулах из числа родственников невесты. Во всяком случае, семья бабушки жила в этих краях, видимо, с XIX века, т. к. ее бабушка была горянка (из чеченского мирного аула или из ингушского селения). Дедушка познакомился с ней уже в Грозном, где они и поженились. Если дедушка был осторожен и остался вне политики, то бабушка в ходе гражданской войны и после нее, несмотря на то что у нее на руках было трое детей, приняла активное участие в общественной жизни советского Грозного. Была депутатом то ли горсовета, то ли райсовета, по рассказам мамы ходила в красной косынке по тогдашней моде советских активисток. Дедушка не очень это одобрял, но тут уж решала бабушка.

Страшным ударом для нее был 1937 год. Погиб ее сын, мой отец, а также и родственник, герой гражданской войны, известный тогда на Северном Кавказе Мищенко. Узнав об аресте сына, бабушка писала просьбы, ездила с жалобами, ответ был один: «10 лет без права переписки» – мы тогда еще не знали, что это означало расстрел. И только когда она попыталась отправить отцу теплый свитер и его у нее не приняли, она, видимо, поняла, что отец погиб. Это очень подкосило ее. А тут началась беда с сыном Васей. После ареста отца Вася, который очень любил брата, стал основательно выпивать. И только влияние бабушки, его мамы, помогло ему все-таки окончить институт. Перед войной он женился, тоже на землячке из Грозного тете Нэле. Перед войной дядю Васю призвали в армию и, как инженера-строителя, направили на строительство укреплений в Латвию. Там у них с тетей Нолей и родилась дочка Виола. Накануне войны бабушка уехала к ним помочь с маленькой Виолкой. Помню, мы с мамой пришли

к ним проститься перед отъездом. Я понимал, что расстаемся надолго, а оказалось – навсегда. 22 июня 1941 года началась война. По более позднему рассказу Ноли Вася успел отправить на машине жен, матерей и детей комсостава части. Фашистский истребитель на бреющем полете расстрелял машину, хотя прекрасно видел, что там только женщины и дети. Бабушка была убита, Виолка была у нее на руках тяжело ранена, отчего через несколько месяцев, уже в Ростове, куда сумела добраться тетя Нэля, она умерла.

Когда теперь я слышу о доблести и рыцарстве немецкого вермахта и люфтваффе, я вспоминаю первый день войны и смерть моей бабушки Елены Ивановны. Мы не знаем, где похоронили у дороги бабушку, и некому рассказать об этом. 23 июня дедушка получил телеграмму и пришел с ней к нам, «Раха, Лелю убили». Даже я – мне было 7 лет – начинал понимать, что война будет долгой, кровавой и до победы страна хлебнет много горя и будет победа стоить очень дорого.

Мой отец Павел Петрович Барсуков

Он родился летом 1910 года. Местом рождения указана почему-то Северная Осетия. День рождения отца был около или в день Петра и Павла, поэтому в семье отмечали именины и дедушки и отца в День Петра и Павла – по православному календарю 12 июля.

Детство и юность отца прошли в Грозном. То, что я знаю о нем, это рассказы мамы, родственников, уцелевших друзей отца и дедушки. Судьба отца трагична и характерна для его поколения, для миллионов советских людей, не переживших расправ 1937 года. Отцу не было и 28 лет, когда он был расстрелян. Конечно, судьба нашей семьи сложилась бы иначе и для мамы и для меня, если бы он остался жив. Правда, за 37-м годом последовали годы Великой Отечественной войны, когда люди, похожие на моего отца, спешили умереть в боях первыми, но он не дожил до этих дней.

Мои собственные воспоминания об отце – лишь один эпизод весны (май) 1937 года. В Ростове он был проездом из Хабаровска и должен был ехать отдыхать в Кисловодск, у него была путевка, а нас с мамой он отправил под Харьков. Отец уехал в Кисловодск, откуда его срочно вызвали, еще до конца отпуска, в Хабаровск, откуда он уже не вернулся.

Что же я знаю по рассказам дедушки о его детстве? Мальчиком он рос красивым и умным и общим любимцем. Дружил с мальчиками и девочками, соседями и одноклассниками. Особенно много было у него подружек среди девочек. «Бывало, только и слышно, – говорил дедушка, – Павлуша дома? Позовите Павлика».

К 4 годам он становится лидером в классе. Комсомолец, член комитета РКСМ в школе. Не знаю, был ли он до этого пионером, но в комсомоле он быстро выдвигается среди товарищей.

После гражданской войны подростком 11–12 лет он часто ездил с дедушкой обменивать вещи на продукты.

Отец был способным учеником, учился отлично, у него были явные ораторские способности, умел зажигать слушателей. О следующем эпизоде мне рассказал его школьный друг, будущий писатель и драматург Матвей Грин. В середине 90-х годов во время моего очередного приезда в Москву я побывал у М. Я. Грина дома. Судьба к нему была более благосклонна. Хотя все на свете относительно. Он уцелел, хотя имел две отсидки, в 1937 году и в 1948 году. Матвей Яковлевич много рассказывал мне об отце. Он говорил мне, что считает отца своим первым и главным другом, рассказал и об одном эпизоде, которым они очень гордились (до поры до времени) с отцом. Было это, скорее всего, в 1925 году. В комитете комсомола узнали, что в Грозном проездом будет вождь партии и герой гражданской войны Л. Д. Троцкий. Отец и Мотя поехали его встречать, с тем чтобы пригласить его выступить в школе перед комсомольцами. Отец был, по воспоминаниям М. Я., в кожаной «революционной» куртке. Они пробились в вагон Троцкого и минут пять уговаривали его выступить в школе. Конечно, он отказался заехать в школу. О приезде Троцкого, в то время еще популярнейшего вождя партии, узнали в

городе, на перроне возник митинг. Троцкий в школу не поехал, но, стоя на ступеньках вагона, выступил с речью перед собравшимися. Говорил он с блеском, под аплодисменты, отец и Мотя слушали его с восторгом, а потом в школе выступили с рассказом о своей неудавшейся миссии и о речи Троцкого на вокзале.

После окончания школы, кажется, по рассказам мамы, по комсомольской путевке отец приехал в Ростов и поступил в пединститут, видимо, это был 1927 или 1928 год, который он и окончил. Его направили директором в школу. Но директорствовал отец там, кажется, недолго. Он быстро продвигается по комсомольской линии, вступает в партию. Не раз с успехом выступает на молодежных митингах. Рассказывают, что на одном из таких митингов он закончил свое выступление словами – призывом Ленина: «Учиться, учиться и еще раз учиться!» Следующий выступающий подхватил: «Как сказал т. Барсуков: «Учиться, учиться и учиться!».

Именно здесь, где-то в 1929 году, отец познакомился с моей мамой Рахилью Константиновной Жак. Будучи человеком веселым и коммуникабельным, он быстро завладел тогда сердцем мамы. Мамин отец, мой дед Константин Самойлович Жак, был решительно против их женитьбы. Он уверял маму: «Все равно ты будешь для него жидовкой». Но отец очень быстро сумел завоевать уважение деда и всех Жак. Вскоре они уже сердечно беседовали с дедом и в праздники даже выпивали с ним по рюмочке. Вскоре состоялась свадьба.

В марте 1932 года в судьбе отца произошло важное событие. В это время начинается энергичное освоение Дальнего Востока. Комсомол взял шефство над дальневосточным строительством. Инициатором этого ставшего всесоюзным движения был Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Косарев. Косарев приезжал в Ростов, выступал перед активом. Он пользовался огромным авторитетом в стране, держался просто, носил простую солдатскую шинель и также не пережил 1937 год.

Косарев проводит мобилизацию 500 руководящих работников для работы на Дальнем Востоке. В их числе был и мой отец. Вскоре он с мамой уезжает на Дальний Восток. Отец, по словам мамы, очень любил путешествовать. «Все, что мне нужно в жизни, – говорил он, – это третья полка в жестком вагоне». Любил песни и пение. Из любимых: «Сурок» и старая шахтерская «...а молодого коногона несли с разбитой головой». Попытки мамы приобщить отца к серьезной музыке – она повела его в оперу в Москве – закончились конфузом: отец заснул и к негодованию публики начал похрапывать. Пришлось уйти.

Наверное, любовь к путешествиям я унаследовал от отца, как и непонимание, к сожалению, серьезной музыки.

Сначала он работал секретарем Могочинского райкома ВЛКСМ. Мама говорила, что ей было страшновато оставаться одной, когда отец уходил в тайгу, вокруг бродили еще белоказачьи банды, горели подожженные леса. Затем отца перебросили в Благовещенск, где он работает секретарем Амурского обкома ВЛКСМ. Осенью 1933 года мама уезжает в Ростов, где я и родился, и уже в 1934 году снова возвращается со мной в Благовещенск. Затем отца переводят в Хабаровск, где его назначают директором Дворца пионеров, и одновременно он работает в аппарате крайкома ВЛКСМ.

По-видимому, он занимался вопросами, связанными с ОСОАВИАХИМОМ, т. к. в качестве комиссара похода участвовал в шлюпочном комсомольском походе Хабаровск – Комсомольск-на-Амуре. В октябре (1934 год) отец был на совещании в Кремле, где был награжден серебряными именными часами, на которых было выгравировано: «Тов. Барсукову П. П. от Центрального Совета Осоавиахима СССР 5 октября 1934 г.». Это единственное, что мне осталось на память об отце. После этого совещания отец становится членом крайкома ВЛКСМ. Мама рассказывала, что именно тогда отец ей сказал: «Вот теперь я могу с уверенностью сказать, что ты и Волька будете материально обеспечены». Увы, это был уже 1935 год. Время начиналось страшное.

Первым секретарем крайкома партии был старый коммунист и герой гражданской войны Лаврентий Иосифович Картвелишвили (Лаврентьев). Человек был замечательный, пользовался огромным уважением. Помню рассказ мамы, что однажды он пришел без предупреждения в Дом пионеров Хабаровска, дело было новое, пионерское движение становилось массовым. Роль дворцов пионеров как методических и организационных центров движения быстро росла. Случилось так, что вахтерша не узнала Лаврентия, да и был он без свиты и охраны, и не пропустила его, вызвав по телефону отца. Тот спустился и стал, зная Лаврентия, извиняться, но тот ответил, что вахтерша поступила правильно, не пропустив не знакомого ей человека.

В 1937 году Лаврентий был арестован и расстрелян. Та же судьба ожидала и первого секретаря крайкома ВЛКСМ, по-моему, его фамилия была Листовский. Уже в 1936 году началась волна арестов. С одной стороны, непрерывные победные фанфары, с другой – вал арестов и «судебных» процессов. Поощрялись доносы. По примеру Москвы обычным явлением становились банкеты с обширными возлияниями, что очень тревожило маму. Отец, видимо понимая, что идет вал арестов, отправил нас с мамой в Ростов под предлогом моей болезни – туберкулезная интоксикация. Во всяком случае, мы благополучно, видимо в конце 1936 года, добрались до Ростова. От этого времени осталось одно письмо отца. Мама рассказывала, что положение становилось все тревожнее, шли аресты руководства крайкома ВКП(б) и крайкома ВЛКСМ. На опустевшие места избирались новые товарищи. На одной из фотографий 1936 года (еще до нашего отъезда) я сфотографирован с девочкой, дочерью тогдашнего секретаря Сахалинского обкома ВЛКСМ. Отец дружил с ним. Однажды его вызвали в крайком. Вечером, вернувшись с работы, отец сказал маме: «Черт, как нехорошо вышло», швырнув в угол пару новых валенок. Оказывается, он как-то попросил этого товарища привезти ему хорошие валенки. Тот привез их, зашел в кабинет секретаря, где был и отец, и, поздоровавшись, сказал: «Вот тебе валенки, Павлушка». В кабинете его уже ждали сотрудники НКВД. Его арестовали здесь же, и больше ни семья, ни друзья его не видели. Люди просто исчезали. Отправив нас в Ростов, отец спас и меня с мамой – ее от лагерей, как члена семьи врага народа, меня от детдома, куда попадали дети арестованных. Именно поэтому во всех документах этих лет я проходил как «ребенок Жак Воля», по маминой фамилии, она ее не меняла, тогда это было не принято, либо как Жак-Барсуков. Органы были так «измучены» и заняты великой чисткой, что до нас с мамой в связи с нашим отъездом с Дальнего Востока очередь не дошла. Отец, приехав в апреле 1937 года в отпуск (он ехал по путевке в Кисловодск через Ростов) и отправив нас в Хорош под Харьковом, уехал в санаторий. По-видимому, понимая, что его снятие только вопрос времени, он, видимо, договаривался о переводе его на работу в Ростов, но еще до конца отпуска его срочно вызвали в Москву и оттуда предложили, срочно потребовали, вернуться в Хабаровск.

Вскоре после его возвращения уже был взят почти весь состав крайкома. По тогдашней схеме отец был снят с работы и исключен из партии. Узнав об этом, мой мудрый дядюшка Давид, понимающий, чем это все грозит отцу, предложил маме деньги, с тем чтобы отец немедленно уезжал из Хабаровска, не дожидаясь ареста. На это отец ответил маме так, как отвечал и своим тысячам партийцев, идя на заклание: «Я ни в чем не виноват перед партией, опозоренный я к тебе не вернусь, я докажу, что это ошибка». Из казенной квартиры он перебрался в общежитие «Водоканализации», где работал около двух месяцев начальником снабжения (еще 16.9.37) строительного управления. 30 сентября 1937 года он был арестован УМВД края по обвинению «в проведении работы, враждебной советской власти». Все это время после снятия его с работы он просиживал долгие часы в партархиве, стараясь доказать несправедливость и необоснованность исключения его из партии. Основным (кроме доноса) обвинением было «сотрудничество с врагами народа» – уже к этому времени расстрелянными Лаврентием и первым секретарем крайкома ВЛКСМ Листовским. Следствие явно затягивалось. Но в первой декаде апреля 1938 года по требованию Москвы были проведены массовые расстрелы арестованных. Смертные приговоры штамповались по одному образцу и немедленно приводились

в исполнение. Приговор был вынесен, видимо, по списку 8 апреля 1938 года и в тот же день приведен в исполнение. В эти дни в Хабаровске и городах края были расстреляны десятки тысяч партийных и советских работников, рядовых партийцев, комсомольцев и беспартийных.

Дедушка по материнской линии Константин Самойлович Жак (1864–1932)

Мой дед знаком мне только по фотографиям и по рассказам. Он был старше бабушки, родился в 1864 году. Судя по домашним легендам, Жаки пришли в Россию с Наполеоном, кто-то из предков деда был маркитантом. Осели после разгрома Наполеона в Белоруссии, под Оршей. Возможно, отсюда и «французская» фамилия Жак. Предки по жаковской линии были якобы из Испании. Они были сефардами, насильственно крещены под угрозой смерти, затем не то в XV, не то в XVI веке изгнаны из Испании. После изгнания то ли через Португалию, то ли через Францию попали в Россию. Во всяком случае, мама всегда говорила, что вспыльчивый, взрывной характер деда, доставшийся через поколение всем моим двоюродным братьям и его внукам, корнями своими уходит в наше испанское прошлое: «Испанский темперамент», – всегда иронизировала мама, говоря о своем отце.

Характер у деда был деспотический, видимо, в детстве ему пришлось трудно и это сказалось на его характере. После революции налаженной жизни в Порт-Петровске пришел конец. Гражданская война подкатывала к Порт-Петровску. Угроза погрома нарастала. Советская власть уходила с Северного Кавказа. Дед оставил магазин своим служащим, надеясь, что это спасет его от конфискации, и с детьми ему удалось незадолго до подхода белогвардейских банд имама Гоцинского уехать через Астрахань пароходом в Царицын, откуда они уже поездом добрались до Ростова. Дедушка стал работать на лесном складе. Город был вскоре захвачен деникинцами. Власти менялись, угроза жизни еврейским семьям оставалась. Мама вспоминала, как к ним, жившим тогда при складе, забрел пьяный белый офицер. Стал размахивать пашкой, на него бросился любимец семьи маленький пес Бой (той-терьер), и офицер зарубил его. Этим офицер удовлетворился и ушел.

После восстановления советской власти дед попал в списки «лишенцев», что означало не только лишение избирательных прав (нетрудовой элемент), но и лишало детей возможности поступления в вузы. Дед очень переживал это. Правда, с большими сложностями, но все дети получили полное или, по разным причинам, неполное высшее образование. И главное, все дети стали хорошими и честными людьми

Моя бабушка Роза Абрамовна Жак (Кулешова) (1870–1956)

Это был самый близкий и дорогой для меня человек после мамы. Бабушка вырастила меня. Все мое детство прошло под присмотром бабушки. Все мои воспоминания о детстве связаны с ней. Она родилась в Дагестане 12 ноября 1870 года в Темирхан-Шуре (Буйнакске, названном так в честь героя гражданской войны Уллубия Буйнакского). Семья ее была большая, трудовая и дружная, все потом делали себя сами, выбивались в люди, как тогда говорили. Жили трудно. Знаю, что бабушка училась в русской школе только один год. Окончила она этот год с похвальным листом за отличную учебу. Но больше в школу ее не пустили, как она ни плакала. Ей очень хотелось учиться, но так и не пришлось. Она прекрасно говорила, без всякого акцента, по-русски, у нее был светлый ум, прекрасный мягкий характер, человеком она была интересным и красивым. На бабушке лежали все заботы о домашнем хозяйстве. Бабушка сама обшивала детей. Она с детства умела шить, вязать, в доме была швейная машина, а какие цветастые коврики из лоскутов на подстилки она вязала! Потом уже даже меня она научила штопать носки, пришивать пуговицы, чистить овощи к обеду. Так и шла бабушкина жизнь в заботах о детях и быте.

Первая мировая война мало затронула Порт-Петровск: мальчики еще учились в гимназии. Первым уехал в Ростов, где и поступил на юрфак, старший сын бабушки. Это был уже 1916

или 1917 год. В Ростов был эвакуирован Варшавский университет (немцы взяли Польшу, а Ростов – не было бы счастья, так несчастье помогло – получил университет). Революция докатилась и до Порт-Петровска. Через город шли эшелоны возвращавшихся с Кавказского фронта войск. Ждали погромов. Это – весна 1918 года. А потом к городу стали подходить банды имама Гоцинского, грозя вырезать всех неверных, а заодно и евреев.

Оставив все, семье удалось сесть, кажется, на один из последних пароходов, идущих в Астрахань. Перевели дыхание и уехали в Ростов, где жили многочисленные родственники, перебрались в конце концов на квартиру в доходном доме Модиных. Двор был большой, шумный и многонациональный. Жила здесь и семья Вучетичей с сыном Евгением, будущим знаменитым скульптором. Мама вспоминала, что он в детстве сильно заикался, ребята его почему-то недолюбливали, называли «Женька-заика».

Моя мама

Ее звали Рахиль Константиновна Жак, и была она для всех, кто ее знал, а знали ее многие и считали прекраснейшим человеком, Рахой, Рахилечкой, Рахитой. Она родилась в 1906 году. По рассказам близких людей была смышленным, веселым и озорным ребенком.

Братья, особенно Давид, любили сестру и часто выгораживали ее и защищали от отца за проказы. Мама рано научилась читать. Она рассказывала, что еще до гимназии любила сидеть за столом, за которым братья делали уроки. Так, по ее словам, она начала вместе с братьями знакомиться с латынью. Память у нее была хорошая, но поскольку она сидела с другой стороны стола, то воспринимала долгое время латинские фразы «вверх ногами». Была смешливая, непоседливая, любила напевать и танцевать. Очень многие песенки тех лет я знаю с ее «напева». Она еще застала гимназию в Порт-Петровске, где училась первые три класса. С весны (ранней в Дагестане) и до поздней осени братья не вылезали из моря. Научили рано плавать и маму. Плавала она уже и после выхода на пенсию прекрасно. У нее всегда было много друзей. Рано начала читать. Благо у деда была прекрасная библиотека русской и зарубежной классики, выписывались все «толстые» журналы и лучшие детские. Когда мама пошла в первый класс, началась Первая мировая. Шли через город эшелоны на Кавказский фронт. Мама вспоминала парад войск в Порт-Петровске, который принимал командующий Кавказским фронтом князь Николай Николаевич (человек громадного роста, его называли «десять пудов августейшего мяса»). Солидная была фигура среди романовского семейства. Маме было 10–11 лет, когда произошла революция. Теперь уже шли эшелоны с фронта, который развалился. Война всем осточертела, солдаты рвались домой. На Кавказе после весны революции усиливались белые. Деникинцы захватили Кубань. В Дагестане свирепствовали банды имама Гоцинского. Как всегда, на Кавказе столкновения социальные перерастали в национальные. Шла тюрко-армянская резня в недалеком Баку. Советская власть не удержалась здесь, на Кавказе. Поговаривали о резне, которую собирался учинить красным и евреям Гоцинский.

В Ростове было поспокойнее, там было много родственников деда и бабушки (их братья и сестры), и, передав кооперативу служащих свое «дело» – магазин тканей, семья снялась с насиженного места.

Морем с приключениями и страхами добрались до Астрахани, а затем и до Царицына по Волге, откуда поездом приехали в Ростов. Здесь мама продолжала учебу в сов. труд, средней школе. Друзей и друзей было много. Училась мама все годы хорошо. После окончания школы встал вопрос, что делать дальше. Дед при советской власти был зачислен в «нетрудовые элементы» и «лишенцы» (лишен избирательных прав, что затрудняло получение высшего образования). Надо было идти работать, чтобы получить «рабочий стаж», открывавший дорогу в вуз, хотя и с большими сложностями.

Мама поступила на экономический факультет университета (позднее Ростовский институт народного хозяйства) на отделение бухгалтерского учета. Но проучилась она два или три

года, помешало то, что она вышла замуж за моего отца (в 1930 году). Время было трудное, но по молодости лет веселое, вокруг были интересные люди, и мама вспоминала это время как самое счастливое в своей жизни.

А потом появился приехавший сюда из Грозного Павел Барсуков, быстро выдвинувшийся как комсомольский работник. Сначала он был директором школы. Быстро отбил маму от ее поклонников, и они уже в январе 1930 года после свадьбы родственников шуточно подписали им поздравление: «Следующие». Первый ребенок у молодоженов – девочка – погиб из-за халатности персонала роддома. В ноябре 1953 года уже в частной клинике известной акушерки появился и я. Вскоре после этого отец уже работал на Дальнем Востоке, мама со мной уехала к нему. Приехала туда, чтобы помочь маме с малым ребенком, и бабушка Елена Ивановна. В 1936 году мы вернулись в Ростов.

После трагедии с отцом мама работала счетным работником сначала на обувной фабрике им. Микояна, а потом перешла работать в плановый отдел треста «Ростовстрой». Нам с мамой очень повезло благодаря тому, что отец отправил нас в Ростов, и тому, что мама осталась с девичьей фамилией Жак, да и контора Ягоды, а затем Ежова не управлялась с валом Большого террора. Хотя страх тех лет мучил маму вплоть до 60-х годов, уже после посмертной реабилитации отца.

Мои воспоминания мамы до начала войны связаны с походами по врачам. Мама забирала меня после работы из детского сада. Помню, в 1938 или 1939 году в день 8 Марта женщин отпустили раньше, мама зашла за мной. Был теплый весенний день, мама была в жакетке и берете, такая молодая, веселая и красивая.

Уже явно надвигалась война. На работе у мамы шли занятия по ПВО и ПВХО, у нас хранится справка о сдаче мамой каких-то зачетов по этим «предметам». А потом она пришла. Если бы не родственники, уже перебравшиеся в Днепропетровск и забравшие нас с бабушкой и мамой, мы бы сами, скорей всего, не выбрались и оказались бы в Змиевской балке, где осталось почти все еврейское население города. Повезло, что управляющим трестом «Ростовстрой» был замечательный человек Катаев, хорошо относившийся к маме. Перед приходом немцев он ушел в полк народного ополчения и погиб в 1943 году на фронте уже при освобождении Ростова. После войны одна из улиц города получила его имя.

Когда мама пришла к управляющему трестом «Ростовстрой», где она работала плановиком, в кабинете Катаева сидел особист, который, услышав просьбу мамы разрешить ей отъезд из Ростова, начал возмущаться: «Неужели вы думаете, что немцы дойдут до Ростова? Что вы сеете панику!» Это обвинение могло стоить маме очень дорого, но вмешался Катаев: «Пусть едет, раз есть возможность». Его вмешательство, скорей всего, спасло нам жизнь: сами мы с мамой и бабушкой могли не выбраться из Ростова, и тогда нас ожидала смерть в Змеевке – балке, где фашисты расстреляли несколько десятков тысяч советских людей (прежде всего евреев, коммунистов и комсомольцев, военнопленных и цыган). Организатором расстрела еврейского населения были немецкие зондеркоманды, но сами расстрелы проводили русские, украинцы, татары – отечественные фашисты. Немцы лишь наблюдали «за порядком» и расплачивались с палачами вещами расстрелянных.

Поездом мы через Лихую добрались до Сталинграда, пыльного деревянного города с заводскими поселками, трубами предприятий и огромной Волгой с пароходами и огромным количеством людей, скопившихся здесь, ожидая отправки вверх по Волге и в Астрахань. Мы ждали парохода на Ульяновск. Наконец мы погрузились на пароход. Мы с бабушкой в каюте на палубе, мамы наши – в трюме. Мы поплыли в эвакуацию. Начиналась новая глава нашей жизни.

В Ульяновске мы долго не задержались, и Исай (муж тети Миры) вытащил всю нашу мешпуху в маленький русско-татарский городок, сохранивший все черты русского уездного городка, Мелекесс, расположенный среди прекрасных левитановских лесов Заволжья на реке Черемшан. Началась наша мелекесская эвакуация. Теперь (после войны) этот город стал одним

из наших центров атомной промышленности Димитровградом и портом Волжского водохранилища после подъема воды при строительстве Куйбышевской ГЭС. Мы с Сергеем хотели, но так и не добрались посмотреть Мелекесс нашего детства.

Мама сразу же стала работать в столовой бухгалтером. При маминой щепетильности никаких преимуществ это не давало, днем тарелка супа ей, и я заходил после школы к ней и чего-нибудь перехватывал. Тяжелой и трудной была эта первая зима Э1М2 годов. Потом началась трудовая мобилизация, и мама с тетей Мирой уехала на торфоразработки в деревню Сабакаево, что освободило их от мобилизации на окопы, где было еще труднее.

До весны мама работала в Сабакаево, это семь километров от Мелекесса, но очень скоро, узнав, что она счетный работник, ее посадили бухгалтером (или счетоводом) в контору. Жила она на квартире в деревне, в воскресенье приходила домой, а рано утром в понедельник уходила назад.

Я не знаю обстоятельств ее возвращения, но весной 1942 года она была уже дома и стала работать в артели «Пищевик» плановиком-экономистом.

Ростовское детство

Пришло время вернуться и к истории моей жизни. Родился я 25 ноября 1933 года. В день, ничем особенно не замечательный, разве что в один день с Анастасом Ивановичем Микояном, крупным, умным и дальновидным политическим деятелем советской эпохи, это о нем: «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича».

А по воспоминаниям мамы день был теплый и солнечный. Я был вторым ребенком в семье. Первая была девочка, рожала ее мама в роддоме, там недосмотрели, и девочка погибла. Когда я в детстве узнал об этом, то огорчился: «Была бы у меня старшая сестренка». – «Тогда бы тебя не было», – сказала мама. Рожать меня мама приехала уже с Дальнего Востока, где работал отец. Боясь роддома, мама рожала в частной клинике доктора Собсович. Кажется, она была старой девой и мальчишек недолюбливала. Увидев меня, она закричала: «Опять мальчишка!» (в этот день почему-то рождались одни мальчишки). Вскоре мы уехали с мамой в Хабаровск, к отцу. Это было мое первое путешествие из Ростова на Дальний Восток.

Что я помню из хабаровского периода.

С Хабаровском связаны у меня два эпизода. Там меня в первый раз отправили в детский сад. Его памятной для меня особенностью был построенный из досок большой «настоящий» пароход. На него можно было подняться по трапу на палубу, над которой высилась «настоящая» труба. С удовольствием лазил по палубе, в рубке можно было покрутить штурвал и почувствовать себя «настоящим» мореходом.

Другое воспоминание имело куда большие последствия для моих детских лет. Чтобы облегчить жизнь маме, было решено взять мне няньку. Нашли девочку лет 15 из семьи раскулаченных. Взяли ее буквально с улицы, вся семья погибла от голода и болезней. Родители не знали, что у нее открытый процесс в легких, спохватились поздно. Девочку отправили в больницу, а я оказался под наблюдением детского туберкулезного диспансера после возвращения с мамой в Ростов. Поэтому все детские годы я находился под наблюдением доктора Хохловкиной на Ткачевском. С 1958 года я уже пошел в детский сад, где и оставался до отъезда в эвакуацию в августе 1941 года.

Теперь я понимаю, что детский сад был хороший и воспитательницы и дети были дружелюбны и дружны. Помню детские утренники: Новый год с дядей Винею в роли Деда Мороза и мой восторженный крик: «Ну, как же вы не понимаете, это – не Дед Мороз, это – мой дядя Виня!» Утренник в 1959 году – воссоединение Западной Украины и Западной Белоруссии с УССР и БССР. Очень трогательно мальчики и девочки играли, как плохо жилось украинцам и белорусам под властью польских панов. Плакал от жалости. Чувствовалось приближение войны, восторженно пели: «Если завтра война». В коридоре детсада стоял фанерный танк,

зеленый с красной звездой на башне, в нее можно было залезать и воображать себя танкистом. На 25 февраля 1941 года в детсад пришел курсант нашего артиллерийского училища с оборонными значками на груди: ГТО и «Ворошиловский стрелок», «ОСОАВИАХИМ». Все мальчишки липли к нему. Видимо, в это же время я научился читать и писать. Очень гордился этим. К вечеру, в ожидании, когда придет за мной мама, я садился за столик, брал книжку сказок и самостоятельно читал. Медленно, с натугой и большим трудом (бегло начал читать, как и большинство детей, где-то к девяти годам). Маму очень беспокоило, что я левша. Она настойчиво хотела приучить меня писать и есть правой рукой. Писать – научился, хотя, задав написать мне строчку крючков и букв, стоило ей отвернуться, как я перехватывал карандаш в левую руку и быстро-быстро выполнял заданное упражнение. А приближение войны чувствовалось во всем. В это время моими любимыми книжками становятся рассказы о пограничниках и легендарном Карацупе, полярниках и челюскинцах, о советских летчиках и танкистах, о «Трех палатках». Особенно усилилось это ощущение приближающейся войны после начала зимой 1939-40 годов войны с Финляндией. Разговоров о гитлеровской Германии не помню, видимо, тема была под запретом. Ночью объявлялись воздушные (учебные) тревоги, мотались за окном в темном небе лучи прожекторов. В хорошую погоду наш детский сад ходил на прогулку (после завтрака до обеда). Однажды нам повезло, мы были в восторге: на Пушкинской на бульваре мы встретили, видимо, после или в ожидании приема у врача, генерала Красной Армии. В то время у генералов было много причин для задумчивости и болезни, и на нас он не обратил внимания. По Пушкинской, по бульвару мимо спецшколы ВВС на окраине парка Горького были такие школы десятилетки – их выпускники шли в военные училища ВВС, артиллерии и т. д. Мы с завистью поглядывали на молодых ребят в гимнастерках с синими петлицами и эмблемами ВВС.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.